

С Анастасией Ивановой Цветаевой я беседовал в Переделкине под Москвой в 1987 году. Она пребывала тогда в фокусе общественного внимания, начавшегося в 60-е годы после публикации в "Новом мире" ее воспоминаний о своей родной сестре, великом поэте XX века Марине Цветаевой. Несмотря на преклонный возраст (Анастасии Ивановне уже перевалило за 90), она была бодра, активна, памятлива. Ее размышления, суждения о своей судьбе, об искусстве, о религии, о прошлом и будущем изумляли свежестью, незащищенностью, здравостью и тактом. К А.И.Цветаевой тянулись не только литераторы, люди искусства, за короткий срок она приобрела сонм почитателей по всей стране. Но она чуралась светской славы, стараясь все время отдавать письменному столу или беседам с немногими самыми близкими по духу людьми. Интервью давала неохотно, я бы сказал, капризно. Бросила камешек и в мой огород, дескать, тратится драгоценное время. Во имя чего?

Провидчески мудрый, опытный человек оказался прав: за волнами перестроечной суеты я не успел опубликовать интервью, а потом и вовсе забыл о нем. Сегодня А.И.Цветаевой было бы 104 года, прожила она на этой земле почти век. Вдогонку ее памяти и правоте посылаю ей в Вечность земной поклон.

Сожженная на Лубянской книге о Горьком

- Одно время я гостила у Максима Горького в Италии. И тайно от него решила написать о нем книгу. И вот каждую ночь я записывала в тетрадь все, что видела днем. Горький вставал в семь часов, до часу дня работал, с часу бывал с нами, со своими гостями, иногда мы сидели до двенадцати ночи. Я вносила в тетрадь каждую его интонацию, каждое слово, тему разговора, вопросы, к нему обращенные, поведение гостей, их приезды, отъезды, обеды, чаепития, впечатления, суждения, происшествия - в общем, живую картину каждого дня. Получилась документальная книга, похожей на которую, уверена я, нет ни о ком.

В 1937 году, когда меня арестовали, книга пропала. Через 22 года после тюрем, лагерей и ссылок я, вернувшись в Москву, пошла в КГБ и попросила вернуть мне мои записи. "Из всего вами снятого", - сказала я, - больше всего я хотела бы эту книгу о Горьком". А они мне ответили: "Мы все сожгли, мы много бумаг сожгли. Сожгли и вашу книгу о Горьком. А вы, как нам кажется, разум-то не потеряли, сядьте и напишите эту книгу заново".

И выдали мне бумажку, что, дескать, эти 22 года ничего не значат, что никаких преступлений в моих поступках не было, что я могу дальше радоваться жизни.

Вот и все, что могу сегодня сказать о Горьком и моей документальной книге о нем. Впрочем, неотвязная в моей памяти песенка, которую,

Анастасия Цветаева с сыном Андреем. 1919 г.

Марина Цветаева, 20-е годы.

как говорят, Алексей Максимович, напевал своим восьми- и шестилетней Марфеньке и Дашеньке:

*Диги-диги-диги,
Диги-диги-тисли,
Вот мы и достигли,
Вот и долетались.*

Мудрое стихотворение. Обращено оно не в виде упрека к кому-то, а в виде укора себе. Вспоминал, наверное, своего буревиственника...

Счастья и богатства нам никто не обещал

- Если бы я не была религиозна, мне было бы очень трудно в жизни. Ни с того ни с сего быть сосланный на 10 лет в сталинский лагерь, жить с проститутками, убийцами в общем бараке... Если бы я была неверующей, я только бы возмущалась, как

все неверующие, бывшие со мной в то время. Они все время сосчитывались со Сталиным, со следователями, с доносчиками. Но это же совершенно бесполезно. Ведь те творили то, что они считали нужным. Их за это нужно жалеть, за них надо молиться, но злиться на них - бесполезное занятие. Так же, как я не могу предьявить никаких

заступился, меня выпустили в 33-м. В 37-м следователь мне сказал: "Горького нет на свете, он за вас не заступится". И я пробыла 10 лет, потом еще полтора рядом с сыном, вы его только что видели, потом была послана на вечную ссылку. Ее я тоже пережила, значит, это моя судьба. С чем спорить? Кто обещал нам, что, приля на Землю, мы будем счастливы, богаты, признаны? Никто. Мы как гости попали сюда. А кто куда и как попал - это его судьба. И с этим надо справляться, потому что она неповторима, эта судьба, она у каждого своя. Это же не судьба соседа. Если я пробыла в ссылках и лагерях 22 года, то это я их пробыла. Если бы их пробыв другой, все было бы по-другому. Другой мог все воспринять иначе. Значит, нет в мире равенства меж людьми и судьбами и не будет никогда. Все разговоры об этом - фантазия.

Старость надо терпеть

- Вы спрашиваете, как я переживаю свой возраст. Ответ будет неинтересным. Дело в том, что настоящая моя старость началась... восемь месяцев назад, потому что начались постоянные боли. Появились остеохондроз, болит шея, постоянно болит голова, ни наклониться, ни закинуться

человек без денег, он поэт, ему негде жить. Пустите его в проходную комнату". И она пустила. Миндлин прожил там месяц. Потом поехал за своими вещами в Феодосию, и мы поручили ему привезти часть моих вещей, оставленных мною там. Я ехала с восьмилетним сыном и не могла все взять. Когда Марина встретила его на пороге своей квартиры и увидела, что он без вещей, а Эмиль уже мчался к Марине как к себе домой, спросила его: "Где Асины вещи?" Он ответил: "Я-я-я их забыл в Феодосии". И тогда, как мне рассказала Марина, она ответила: "А я вас в Москве". И захлопнула дверь перед его носом. Вот и все их знакомство. И это-то месячное проживание в проходной комнате в своей книге "Необыкновенные собеседники" он распустил на годы: "Она, дескать, всюду таскала его с собой, и к Волконскому, и ко всем знакомым и всегда оборачивалась: "Эмиль Львович, идите", и они шли, и она якобы бросала семилетнюю девочку и ходила, и ходила с ним. И потом они якобы целыми вечерами лежали на травке и читали друг другу стихи. Неправда, потому что именно в это время мы с Мариной старались достать какую-нибудь еду для наших детей, мы не сидели без конкретного дела... В общем, все это выдумки и я все оспорила...

Валентин Распутин и Евангелие

- Давно уже я ничего не читала, глаза не позволяют. Из писателей я признаю только одного Распутина. Может быть, потому, что его только и читала, запоем, ког-

10 лет с убийцами в общем бараке

претензий к тому, что у меня постоянно болят шея и голова. Если будет настолько сильно, что я не смогу ни спать, ни работать, тогда буду звать о помощи, а сейчас я мало взываю о помощи, потому что могу терпеть. Терпение - это то, что более всего нужно человеку.

В заключении я только и слышала проклятия в адрес правительства, неудержимую ярость. А чем виновато правительство? Оно ведь не видит дальше своего пальца, с этого пальца оно и судит. Сталин считал, что все кругом враги народа, он был глубоко больным человеком. Как Там рассчитались с ним за эту болезнью, сколько ему за эту болезнь спустили - не мое дело. Но злиться на него, что он меня посадил? Я говорила следователю: "Что я могу иметь против вас? Вы исполняете вашу работу, и я, если Богу это угодно, если он меня туда пустил, поеду в лагерь на 10 лет. Ведь вы только орудие в руках Божьих". Поэтому что мне на них злиться? Где они сегодня, мои следователи? Все на том свете, вероятно.

Три раза меня уводили из дома. Первый раз - на два месяца. Горький

назад - каждое движение болезненно. Как мне жить? Я стараюсь отвлекаться или сном, или работой. А так... Радостного ощущения старости у меня нет. Может быть, и есть радостное ощущение, но когда человек не болеет. А когда он не болеет, тогда он и нестарый, он тогда пожилой и его нельзя называть стариком. Старик - это, с моей точки зрения, человек, который страдает от своего тела и терпит его. Что может быть в этом веселого? Правда, все дело в том, как к этому относиться. Если мне это послано и не помогают никакие врачи и никакие друзья, которых у меня много, значит, надо терпеть. И я терплю. Посмотрим, кончится ли это состояние в какой-то час или кончится вместе со мной. Приходится принимать и это.

Много вранья о Марине

- О Марине написано много вранья, много искажений. Один из публикаторов - Миндлин, много напридумывавший. Он, к примеру, пишет, что, приехав в Москву с юга, остановился у меня. Это не так. Он пришел ко мне по адресу моей сестры, и я взяла его за руку и, как ребенка, привела к Марине и сказала: "Молодой

да могла еще, несколько лет назад. Он мне очень нравится.

Но когда я услышала, что он вместе с Астафьевым, которого я не читала, занялись чем-то вроде юдофобства, я от него отвернулась. Внутренне отвернулась. Хотя мы были в переписке и он бывал у меня в Москве. Как же так: верующий, читающий Евангелие человек, в котором на каждой странице говорится об избранном народе и черным по белому сказано, что Дева Мария для вынашивания и рождения божественного ребенка, а ребенок был простым смертным, была избрана из народа еврейского. Как же можно "свои мысли" иметь на эту тему? Спорить с Евангелием? Тогда вы не считайте себя верующим человеком. Евангелие нам дано, чтобы мы принимали его без критики. Говорить, что одно хорошо, а другое плохо, значит, не верить ни в Христа, ни в Евангелие.

Если вы можете подтвердить, что он выступает против евреев, что он антисемит, тогда я очень огорчусь. Потому что Распутин прекрасный писатель.

Феликс Медведев